

В. Н. Земцов
Екатеринбург, Россия

АРМИЯ НАПОЛЕОНА: СТРУКТУРЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ (ПО ПИСЬМАМ СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ АРМИИ 1812 ГОДА)

АННОТАЦИЯ. На основе анализа значительного объема писем солдат армии Наполеона автор приходит к выводам о формировании в рамках многонациональной наполеоновской военной машины своеобразного аргоса, основой которого был французский язык. Характеризуются изменения, которые в конце XVIII в. под влиянием революционных социальных процессов испытал французский язык: широкое распространение просторечий, жаргонизмов, патетической фразеологии, «тыканье» в армии. Характерная для той эпохи демократизация языка была связана и со смешением огромных масс населения. Наполеоновская армия ко времени Русского похода более чем наполовину состояла не из французов. Это приводило в том числе к распространению двуязычия и даже многоязычия: письма писались по-итальянски с вкраплением французских слов, по-французски с итальянскими выражениями; немецкий офицер мог написать письмо по-французски с приписками по-итальянски. Однако, несмотря на заметные успехи в развитии межкультурных контактов, механизм их формирования оказался далеким от идеального, напрямую отражая «имперскую» сущность наполеоновского проекта единой Европы. С углублением тягот Русского похода межнациональные взаимоотношения в рамках Великой армии заметно осложнились. Важную роль в этом процессе играли слухи и настроения, доходившие до солдат национальных контингентов из их родных стран. К 1813 г. распад многонациональной Великой армии Наполеона оказался предопределен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межкультурная и кросс-культурная коммуникация; армия Наполеона; слухи в коммуникативной практике.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

В любом человеческом сообществе язык, связанный с глубинными психологическими и социальными процессами, является важнейшим компонентом его духовного развития. В этом отношении армия Наполеона не составляла исключения. Язык, песни, музыка и фольклор Великой армии не только отразили разные стороны ее бытия, но и сами существенно воздействовали на ее формирование как целостного организма.

Языковым стержнем Великой армии был, конечно, французский язык, испытывавший в конце XVIII в. существенное воздействие бурных революционных процессов. Это воздействие проявилось в появлении крайней патетической фразеологии и образности, в широком распространении просторечий, жаргонизмов, в «тыканье», наконец, в возникновении множества новых слов и выражений. Стали широко употребляться такие слова, как *volcaniser* (воодушевлять), *électriser* (экзальтировать, наэлектризовать), *fusillade*, *mitraille* (расстрел), *expropriation* (экспроприация), *ordre du jour* (порядок дня, приказ на день), *masse* (в значении «народная масса»), *travailler* («обрабатывать» в значении «обрабатывать человека, человеческую массу», войска) и т. д. [Freu 1925; Селищев 1928]. А «тыканье» в армии получило столь широкое распространение, отразив возникшее чувство братства, подлинное или мнимое, что «vous» смогло полностью возвратиться во французскую армию только после

Второй мировой войны [Brown, Gilman 1985: 265—266]. С одной стороны, это свидетельствовало о мощных переменах, произошедших в конце XVIII в. во французском обществе и французской армии, но с другой — сами люди старательно прибегали к табуистическим заменам в своей речи, веря во взаимосвязь, существующую между именем и вещью. Наконец, следует отметить, что демократизация языка той эпохи была связана и с процессами смешения огромных масс населения в территориальном и социальном пространстве: носители разных территориальных и социальных диалектов, попадая в новые языковые среды, испытывали влияние чужой речи [Мечковская 1994: 151; Постникова 2014]. К 1812 г. все эти процессы, с той или иной степенью интенсивности, продолжали развиваться на территории континентальной Европы. Особенно интересно они проходили в рамках Великой армии, ядром которой были французские части, носители уже достаточно устоявшегося языкового мира. Этот мир отразил в себе не только мощные социальные перемены рубежа веков, но и своеобразие быта наполеоновского солдата [Lucas-Dubreton 1977; Pigéard 1994].

Великая армия Наполеона состояла в 1812 г. более чем на половину не из французов, являя собой своеобразную модель проектируемой императором единой Европы. Важную информацию о процессах кросс-культурного взаимодействия в рамках напо-

леоновской армии несут письма ее чинов. Большая часть писем 1812 г. оказалась в отечественных архивохранилищах (Российском государственном архиве древних актов, Архиве внешней политики Российской империи, Российском военно-историческом архиве и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки) как трофейные.

Для начала отметим, что, во-первых, французская армия традиционно была многонациональной. В собственно французских частях служило большое количество неприродных французов. Их количество особенно увеличилось после присоединения к «старой» Франции территорий левого берега Рейна, Савойи, Иллирии и т. д. Так, среди писем с родины в Великую армию, хранящихся в 30-м фонде РГАДА [РГАДА], имеется несколько посланий, отправленных в «чисто» французский 57-й линейный полк, написанных по-итальянски. Одно такое письмо на итальянском языке шло в 30-й линейный.

Во-вторых, большое число частей французской армии представляло собой «национальные» формирования, появившиеся в результате «округления» империи (из числа голландцев, тосканцев, ганноверцев и т. д.), или созданные на основе особых договоров с другими странами (как, например, со Швейцарией, «поставившей» четыре полка линейной пехоты), или же возникшие в связи с иными обстоятельствами (как, например, польские, испанские и португальские формирования).

Язык Великой армии хорошо отразил ее многонациональный состав. Представители каждой нации имели свое прозвище: голландец — «le Godfredoms», поляк — «француз Севера», итальянец, из-за того, что начинал свою французскую речь словами «Dis-done» — «le Didons».

Вообще в нефранцузские части все больше проникало двуязычие. Но иногда и французы пользовались языковыми заимствованиями. Ротного весельчака французские солдаты называли не иначе как «loustic», заимствовав немецкое «lustig» (весельчак). И все же нам бы не хотелось делать окончательные выводы о степени языковой интеграции Великой армии: на этот счет до сих пор не появилось специальных исследований.

Конскрипты, оказавшиеся в армии, сразу попадали в сложный и разветвленный механизм их обработки и «абсорбции». О том, как удивительно менялись люди разных наций, попадавшие в состав Великой армии, говорит их переписка. Основная масса писем, отправленных из главных сил армии и хра-

нящихся в российских архивах, относится к периоду сентября — ноября 1812 г. [РГАДА, РГВИА, АВПРИ] и поэтому уже несет на себе отпечаток распада многонационального военного организма, который создавал Наполеон. Но письма с родины или письма, отправленные из других воинских частей, находящихся вне России, позволяют составить представление о тех внутренних процессах, которые действовали до сентября 1812 г. и которые, по замыслу императора, сплачивали воинов (вместе с опубликованными письмами нами привлечено 207 посланий, отправленных в Великую армию. Почти все они имеют личный характер или несут информацию личного свойства). Сразу бросается в глаза обширнейшая география личных связей солдат Великой армии — от Испании и Северной Италии до глухих мест французской провинции и небольших германских местечек. Письма, как правило, находили своих адресатов (исключая, конечно, ситуацию с большинством тех писем, к которым мы обратились, так как они были перехвачены русскими). Так, много посланий, отправленных из Испанской армии от бывших сослуживцев, прибывало вначале в те места, где перед походом в Россию части располагались (в Германию или в Италию). Не найдя адресата, они немедленно, помеченные штемпелем, пересылались дальше, вслед за армией. Адреса не обязательно писались по-французски. Отправитель писал по-итальянски, по-голландски, по-немецки, причем нередко свободным почерком и не всегда предельно точно указывая адрес. Он был уверен, что письмо все равно придет по назначению — ведь в адресе было указано: «Великая армия»! Особенно забавно указывали адрес итальянцы, предпочитая вместо слова «солдат» писать «Militare» или «Carriere militare». И французы, и итальянцы в любом случае неизменно перед чином, в том числе солдатским или сержантским, обязательно указывали «Monsier» или «Signier». Множество писем было написано по-итальянски с французскими словами, на французском — с итальянскими выражениями; немецкий высокопоставленный офицер мог написать письмо по-французски с приписками по-итальянски. Воины разных наций, постоянно соприкасаясь друг с другом, меняя места своей службы, «завязывая» многочисленные «узелки» между собой, неизбежно учились понимать друг друга.

И все же позитивный вектор во взаимоотношениях солдат многочисленной армии не мог заслонить того напряжения, которое возрастало по мере подготовки к войне с Россией и с началом военных действий.

Принятый в наполеоновской армии механизм адаптации иностранцев был нередко груб и прямолинеен. Скажем, маршал Л. Н. Даву, беспокоившийся о духе молодых солдат, «разговаривающих по-немецки», смог порекомендовать генералу Л. Фриану только одно средство: приказать офицерам и унтер-офицерам объяснить, что ждет солдат в случае их дезертирства [Отечественная война 1812 г. 1903: 87—90]. Во-вторых, все народы, представленные в Великой армии, имели свои неискоренимые национальные особенности, нередко сопротивлявшиеся «перевариванию» в чреве военного организма. Эти особенности были многообразны — от языка до религиозных воззрений и темперамента. Первое, что бросалось в глаза, были языковые барьеры. Несмотря на широкое распространение французского языка, он не мог быть быстро освоен многотысячными массами рядового и даже офицерского состава армий многих европейских стран. Там же, где французские военачальники стремились заигрывать с иностранцами, используя их язык, выходило не всегда убедительно. Многие вспоминали, как во время Бородинского боя командующий резервной кавалерией И. Мюрат кричал вюртембергцам по-немецки, чтобы они стреляли. У него получалось то ли «Scheuss», то ли «Schuß», и это вызывало смех. Но когда он, коверкая слова, начал хвалить немецких стрелков, говоря «мерзкий егерь», это уже воспринималось только с раздражением [Suckow 1901: 184—185; Smith 1998: 79]. В-третьих, не могла не проявиться глубокая предубежденность одних народов по отношению к другим. Так, французы, убежденные в своем политическом и культурном превосходстве, с явным пренебрежением относились к бельгийцам, голландцам, немцам, итальянцам, испанцам, которых почитали людьми отсталыми и суеверными. Даже поляки, наиболее верные союзники, воспринимались большинством французских солдат как люди убогие. Этому во многом способствовала память о кампании 1806—1807 гг., проходившей на территориях с польским населением. Генерал-адъютант Ж. Рапп вспоминал, что для французского солдата «весь польский язык сводился к четырем словам: — Хлеба? — Нема. — Воды? — Зараз... В этих словах для них заключалась вся Польша» [Rapp 1823: 106—107].

Среди самих иностранных солдат существовала сильная предубежденность друг к другу. Невольно обращаешь внимание на то, как иностранные солдаты наполеоновской армии 1812 г. подчеркивали в своих дневниках, письмах и мемуарах национальную при-

надлежность тех, кто совершил неблагоприятный поступок. Скажем, баварской службы обер-лейтенант Ф. Фюртенбах с большим удовольствием рассказывал, как в Докшицах, недалеко от местечка Глубокое (между Вильно и Витебском) семь итальянцев воровали с полковой пекарни муку и ею торговали. Честный баварец Фюртенбах прогнал их и поручил хлебопечение местным евреям [Фюртенбах 1913: 184]. Постоянно возникавшие напряженные ситуации, нервозность обстановки способствовали тому, что даже глубоко спрятанное чувство национальной предубежденности выплескивалось наружу. 23 июля 1812 г. вице-король Италии Э. Богарне, которого итальянские солдаты искренне любили и уважали, во время «разноса» офицеров неожиданно бросил оскорбительные слова в адрес итальянцев как народа. Лейтенант Ц. Ложье немедленно отметил, какое ошеломляющее воздействие это оказало на психологическое состояние итальянцев 4-го армейского корпуса [Ложье 1912: 36—37].

Дух иностранных солдат начал заметно падать при столкновении с тяготами военных действий в России. Огромные физические нагрузки во время маршей по бескрайним пространствам, развал системы снабжения, все более частые проявления национального эгоизма со стороны французского командования и рядовых французских солдат угнетающе воздействовали на душевное состояние иностранцев. Усиливался и еще один канал негативного воздействия на моральное состояние иностранных солдат — через письма с родины. До поры до времени мощные механизмы Великой армии демонстрировали удивительную способность нейтрализации среди иностранных солдат тех антифранцузских настроений, которые были широко распространены в вассальных и союзных государствах. Но с началом военных действий в России эти механизмы стали ослабевать.

Интереснейшую картину взаимодействия настроений и слухов в Вестфальском королевстве с реальными событиями, происходившими летом и осенью 1812 г. в России, можно увидеть, обратившись к публикациям К. И. Раткевича и С. Н. Исколя, работавших с документами знаменитого «Вестфальского архива», хранящегося в Отделе рукописей РНБ. Донесения различных чинов вестфальской полиции в 1812 г. свидетельствовали о том, что многие антифранцузски настроенные подданные Вестфальского королевства стали выражать надежду на провал русского похода. Если еще в 1811 г. они могли рассчитывать, что поднимется Пруссия, то по-

сле заключения ею союзного договора с Францией все надежды оказались связанными с поражением Наполеона в России. Генеральный комиссар тайной полиции департамента Верра Вольф доносил, что население злорадно предрекало гибель Великой армии, «после чего все рухнет» [Раткевич 1938: 125]. Население упорно стало повторять баснословные цифры размеров войска, которое Россия будто бы готова выставить против Наполеона. Кое-где народная молва говорила о том, что руководители восстаний 1809 г. поступили на русскую службу и что среди них есть даже майор Шилль, о смерти которого стало известно 3 года тому назад! Еще не начались военные действия, а в мае 1812 г., согласно слухам, прусский генерал-лейтенант Г. Л. Блюхер уже перешел к русским с целым кавалерийским корпусом [Раткевич 1938: 126], а чуть позже, в начале июня, пополз слух, что русские намерены завлечь Великую армию вглубь страны и уже опустошили местность, по которой пойдет Наполеон. Самое поразительное, что слухи о генеральном сражении родились еще в феврале 1812 г.! В департаменте Верра тогда стали упорно говорить о крупных сражениях, будто бы имевших место где-то на севере или на востоке и проигранных французами [Раткевич 1938: 127]. Накануне и после начала военных действий в вестфальские города, местечки и деревни начали приходить многочисленные письма солдат, чаще всего недавно мобилизованных. Они вполне откровенно, нередко даже сгущая краски, надеясь на присылку из дома нескольких крейцеров или белья, описывали тяготы похода. Каждое такое письмо ходило по рукам. Его читали в харчевнях, на постоянных дворах, в гостиницах. «Теперь, милые родители, — писал домой гренадер 3-го вестфальского линейного полка Фигнер, — расскажу как плохо справил я пасху и троицу, наверное они были лучшими для самого бедного человека на земле, чем для меня и остальных: на троицу нам дали так мало еды, что хлеба мы получили едва 1 фунт на 3 дня. <...> Так как мы не получали ни мяса ни овощей, то мы с голода 30 человек убили собаку и потом собирали крапиву и сварили щи и потом натопили собачьего сала, а мясо этой большой собаки ели» [Искуль 1978: 104—105]. «Мне сейчас очень тяжело, я так давно ничего не получал (жалованья. — В. З.). Угощения тоже нет, еды мало, так что приходится пропадать», — писал солдат Рункель 14 июля, уже на русской территории [Искуль 1978: 106]. «Теперь мы должны учиться терпеть голод и жажду. Наши лица совершенно изменились, стали коричневыми

как каштаны, а усы меня совершенно изменили», — написал он же через два дня [Искуль 1978: 106—107].

Как ни странно, но несмотря на всю изощренность контроля над настроениями, военная цензура Великой армии оказалась не в состоянии перехватывать множество таких посланий. Наша собственная продолжительная работа с письмами 1812 г., отправленными как в армию, так и из нее, подтверждает, что в личных письмах, посланных даже по армейской почте, очень часто содержалась такая информация, передавать которую таким образом в XX в. не рискнул бы даже самый наивный человек. Кроме того, помимо почты, существовали и иные способы переправлять весточки на родину или получать письма из дома, скажем с оказией, что постоянно и практиковалось.

Письма солдат как бы подтверждали те фантастические слухи, которые уже давно циркулировали на родине. В свою очередь, письма, получаемые из дома и наполненные сетованиями родных по поводу того, что происходит в России, еще больше угнетали солдат и заражали их теми настроениями, которые уже давно были распространены на родине.

В первых числах сентября, когда сообщения о Бородинском сражении, происшедшем с 5 по 7 сентября, еще просто не могли дойти до Вестфалии, в одной харчевне в Роттенбурге заезжий адвокат рассказывал о том, что «недавно происходил трехдневный бой, и армия Наполеона потерпела решительное поражение» [Раткевич 1938: 128]. К середине сентября уже стали говорить о том, что Наполеон тяжело ранен, а Мюрат убит. Когда, наконец, пришло официальное сообщение о Бородинском сражении как о решающей победе Великой армии, оно встретило бойкот и полное непонимание жителей Вестфалии [Раткевич 1938: 129]. Многие этому просто не верили!

В этой удивительной механике слухов, когда человек слышал то, что хотел услышать, и кроется объяснение своеобразия воздействия событий 1812 г. в России на умонастроения в вассальных и союзных Наполеону государствах. Косвенное и длительное воздействие этих событий оказалось более важным, чем их непосредственные результаты. То же было характерно и в плане морального их воздействия на нефранцузских солдат Великой армии. Общая атмосфера на родине, все более сочувственная к русским и все менее благоприятная для французов, спустя некоторое время после Бородина и московского пожара начинала сказываться и на солдатах, нейтрализуя

факторы межнационального единства Великой армии и вызывая внутренний распад ее интернационального организма. Уже упоминавшийся генеральный комиссар департамента Верра в своем отчете от 5 ноября 1812 г. в Кассель нарисовал любопытную картину, которую застал в одном из клубов. В зале вокруг стола столпились завсегдатаи клуба и с жадным вниманием слушали, как комендант города читал, смакуя каждое слово, письмо из армии от какого-то вестфальского генерала. В письме генерал рассказывал о больших потерях французов под Бородином и восхищался мужеством русских. Участники сцены были представителями влиятельных кругов [Раткевич 1938: 131].

В первой половине октября 1812 г., еще во время «московского сидения», тематика писем из Великой армии заметно меняется. Адресанты все чаще говорят о наступлении холодов (в 11,97 % писем в период с 1 октября по 18/19 октября 1812 г.), строки о ранах и болезнях (в 11,34 % писем того же периода) также стали занимать большое место. С началом отступления тема усталости в письмах заметно усиливается (в 24,65 % писем с 20 октября по 30 ноября 1812 г.). Наконец, все чаще стали писать о холодах. «Этот климат более опасен, чем русские», — восклицал генерал Л. Бараге д'Илье 4 ноября [Lettres interceptées 1913: 344—345]. Чины многонациональной Великой армии все реже находили между собой общий язык. В 1813 г., как следствие поражения в России, проект единой Европы, задуманный Наполеоном по «имперскому образцу», окончательно рухнул.

Представленный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Великая армия, созданная Наполеоном в 1812 г., претендовала на универсальный общеевропейский характер; она являлась своеобразным прообразом той единой Европы, контуры которой к 1812 г. стали явно проступать.
2. Наполеоновская военная машина была высокоэффективным социальным организмом, в рамках которого был создан своеобразный арготизм, основой которого стал французский.
3. Несмотря на заметные успехи в плане кросс-культурных контактов, механизм их формирования был далек от идеального, напрямую отражая «имперскую» сущность наполеоновского проекта единой Европы.

4. С углублением тягот Русского похода межнациональные взаимоотношения в рамках Великой армии заметно осложнились. Важную роль в этом процессе играли слухи и настроения, доходившие до солдат национальных контингентов с их родины. К 1813 г. распад многонациональной Великой армии Наполеона оказался предreshен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Канцелярия МИД. 1812—1813. Оп. 468. Д. 140, 142.
2. Исколь С. Н. Письма вестфальских солдат из России на родину в 1812 г. // Освободительное движение в России : межвуз. науч. сб. — Саратов, 1978. Вып. 7.
3. Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. — М., 1912.
4. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. — М., 1994.
5. Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. 2. Бумаги, отбитые у противника. СПб., 1903. Т. 1. № 156.
6. Постникова А. А. Прецеденты Наполеоновской эпохи в коммуникативной памяти современной Франции // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 207—215.
7. Раткевич К. Война 1812 года и общественное мнение в Вестфальском королевстве // Уч. зап. ЛГУ. 1938. № 19, т. 4.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 30. Д. 239—243, 245—254, 260—264, 266—268, 269. Ч. 1—2; 284. Ч. 1—2.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 151. Оп. 1. Д. 92.
10. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). — М., 1928.
11. Фюртенбах Ф. фон. Из воспоминаний баварской службы обер-лейтенанта Фюртенбаха о походе в Россию в 1812 г. // Военно-исторический сборник. 1913. № 1.
12. Brown R., Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarity // Language and Social context. — London, 1985.
13. Choury M. Les grognards et Napoléon. — Paris, 1968.
14. Frey M. Les transformations du vocabulaire français à l'époque de la révolution. 1789—1800. — Paris, 1925.
15. Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. par S. E. M. Goriainow. — Paris, 1913.
16. Lucas-Dubreton L. Soldats de Napoléon. — Paris, 1977.
17. Pigéard A. L'armée napoléonienne. — Paris, 1994.
18. Rapp J. Mémoires. — Paris, 1823.
19. Smith D. Borodino. — Morton-in-Marsh, Gloucestershire, 1998.
20. Suckow K., von. D'Iéna à Moscou. — Paris, 1901.

V. N. Zemtsov
Ekaterinburg, Russia

**NAPOLEON'S ARMY: STRUCTURES OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION
(ON THE LETTERS OF THE SOLDIERS OF THE GRANDE ARMÉE OF 1812)**

ABSTRACT. *On the basis of analysis of a considerable number of letters of the soldiers of Napoleon's army the author of the article comes to the conclusion about the formation of a certain argot based on French in the framework of the multinational Napoleon's military machine. The article characterizes the changes that took place in the French language in the late 18th century under the influence of revolutionary social processes: a wide use of common language, jargon words, pathetic phraseology and treating interlocutors with unwanted familiarity in the army. The democratization of language characteristic of that epoch was connected with a dramatic mix of broad popular masses. By the time of the Russian campaign the Napoleon's army for the most part consisted of non French warriors. This fact led to the spread of bilingual and even multi lingual communication: letters were written in Italian with French inclusions and in French with notes in Italian; a German officer could write a letter in French with Italian explanations. Nevertheless, in spite of considerable success in developing cross-cultural contacts the mechanism of their formation turned out to be far from ideal, directly reflecting the imperial essence of Napoleon's project of united Europe. The growing hardships of the Russian campaign evidently worsened the cross-cultural relations in Napoleon's army. An important role in this process was played by rumors and moods that reached the soldiers from their native lands. By 1813 the fall of the multinational Grande Armée was inevitable.*

KEYWORDS: multicultural and cross-cultural communication; army of Napoleon; rumors in communicative practice.

ABOUT THE AUTHOR: Zemtsov Vladimir Nikolayevich, Doctor of History, Head of Department of General History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

LITERATURE

1. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii (AVPRI). F. 133. Kantselyariya MID. 1812—1813. Op. 468. D. 140, 142.
2. Iskyl' S. N. Pis'ma vestfal'skikh soldat iz Rossii na rodinu v 1812 g. // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii : mezhvuz. nauch. sb. — Saratov, 1978. Vyp.7.
3. Lozh'e Ts. Dnevnik ofitsera Velikoy armii v 1812 godu. — M., 1912.
4. Mechkovskaya N. B. Sotsial'naya lingvistika. — M., 1994.
5. Otechestvennaya voyna 1812 g. Materialy Voenno-uchenogo arkhiva Glavnogo shtaba. Otd. 2. Bumagi, otbitye u protivnika. SPb., 1903. T. 1. № 156.
6. Postnikova A. A. Pretsedenty Napoleonovskoy epokhi v kommunikativnoy pamyati sovremennoy Frantsii // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 207—215.
7. Ratkevich K. Voyna 1812 goda i obshchestvennoe mnenie v Vestfal'skom korolevstve // Uch. zap. LGU. 1938. № 19, t. 4.
8. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 30. D. 239—243, 245—254, 260—264, 266—268, 269. Ch. 1—2; 284. Ch. 1—2.
9. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA). F. 151. Op. 1. D. 92.
10. Selishchev A. M. Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniya nad russkim yazykom poslednikh let (1917—1926). — M., 1928.
11. Fyurtenbakh F. fon. Iz vospominaniy bavorskoy sluzhby ober-leytenanta Fyurtenbakha o pokhode v Rossiyu v 1812 g. // Voenno-istoricheskiy sbornik. 1913. № 1.
12. Brown R., Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarity // Language and Social context. — London, 1985.
13. Choury M. Les grognards et Napoléon. — Paris, 1968.
14. Frey M. Les transformations du vocabulaire français à l'époque de la révolution. 1789—1800. — Paris, 1925.
15. Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. par S. E. M. Goriainov. — Paris, 1913.
16. Lucas-Dubreton L. Soldats de Napoléon. — Paris, 1977.
17. Pigéard A. L'armée napoléonienne. — Paris, 1994.
18. Rapp J. Mémoires. — Paris, 1823.
19. Smith D. Borodino. — Morton-in-Marsh, Gloucestershire, 1998.
20. Suckow K., von. D'Iéna à Moscou. — Paris, 1901.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.